

АНАТОЛИЙ БЕЛЯЕВ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

рассказы

РУССКИЕ СПЕЦИИ

Группа студентов геофизиков во главе с профессором Жуковским выехала на практику в югославский университет города Загреба. На железнодорожном вокзале в Белграде их никто не встретил. Естественно, что денег у студентов и преподавателей не было, так как по существующим тогда законам им разрешалось оставить по 10 рублей на обратную дорогу, а пропитание и проживание должны были оплачивать югославы. Ребята несколько часов маялись на вокзале в ожидании встречающих. Звонить в воскресенье университет в другой город не было смысла, да и денег тоже. Голодные студенты слонялись по привокзальной площади и наблюдали, как аборигены покупали на лотках горячие сосиски и обильно сдабривали их горчицей. Даже для того чтобы сходить в туалет, нужны были монеты. И тут они обнаружили, что в привокзальном сквере югославские мужики играют в шахматы на деньги. Причем играли они так себе, но суммы ставили приличные. Профессор Жуковский сел за шахматную доску, поставив на кон свои часы. Студенты яростно болели за своего преподавателя, особенно те, которым сильно хотелось в туалет. И профессор выиграл столько денег, что их хватило

не только на сосиски с горчицей и туалет, но и на билеты до Загреба.

Учебная практика в Югославии прошла успешно и вскоре к нам на факультет с ответным визитом приехали преподаватели и студенты из загребского университета.

А я в это время я находился в Карелии и был начальником небольшой экспедиции Ленгосуниверситета. На почте меня ждала телеграмма, подписанная деканом факультета и директором Института Земной коры Мейером Владимиром Александровичем, с указанием немедленно выехать в Питкяранту и обеспечить проведение геологической практики для студентов югославо́в.

Я собрался в дорогу. В моей экспедиции было две машины бортовой ГАЗ-66 с брезентовым кузовом и старенький микроавтобус УАЗ-452, который все ласково называли «Буханка». На грузовике работал профессиональный водитель, а микроавтобус я водил сам. Уазику исполнилось уже семнадцать лет, что по автомобильным меркам считалось дряхлой старостью. Но я любил свою буханку и поддерживал ее существование, как только мог. У нее было две проблемы севший аккумулятор и отсутствие давления масла в двигателе. В день получения телеграммы я как раз решил одну из проблем, выменяв новый аккумулятор на запасное колесо. Теперь моя буханка заводилась как настоящий автомобиль от стартера, так что не надо будет вертеть заводную ручку под насмешливые взгляды иностранцев. С этой поездкой я надеялся решить и вторую проблему или хотя бы выяснить у знакомого моториста, отчего в двигателе такое низкое давление масла.

В Питкяранте мне пришлось бы обедать с югославами в ресторане, и поэтому я переоделся в джинсы и салатного цвета модную рубашку «сафари», которые купил еще в Германии.

Выезжать надо было в ночь, так как поезд с югославами приходил в Питкяранту утром. Дорога была дальней и утомительной. Во время движения я постоянно испытывал неприятные ощущения – почему-то щипало спину в области крестца. Я вертелся на водительском сидении и кулаком тер спину через рубашку.

В город я въехал за час до прихода поезда. Спина все время чесалась, и я тер ее кулаком. На вокзале, прогуливаясь по перрону со скрещенными за спиной руками, я вдруг почувствовал, что моя спина голая. В результате более тщательной проверки в моих пальцах оказался обрывок ярко красной материи. В недоумении разглядывая лоскут, я вдруг понял, что это обрывок моих красных боксерских трусов, а на моих новых джинсах образовалась дыра в тарелку величиной, по краям которой и торчали красные лохмотья. Все стало понятно. Когда на машине был старый аккумулятор, то реле зарядного тока было выставлено на максимум, а когда я поставил новый, то забыл отрегулировать реле и от мощного зарядного тока аккумулятор закипел. Конструктивной особенностью данной модели Уазика было расположение аккумулятора сразу за спинкой сиденья водителя и пары соляной кислоты разъели мои джинсы и обожгли кожу.

Первое, что пришло мне в голову, это то, что ни одна зараза не подсказала мне, что я хожу по городу с совершенно голым, красным как у макаки задом.

До прихода поезда оставались минуты, и новые брюки я никак не успевал купить. Пришлось переодеться в маршрутные энцефалитные брюки, которые совершенно не гармонировали с элегантной рубашкой «сафари».

Возглавлял группу югославы молодой профессор в сопровождении жены. Вторым руководителем был аспирант, изучающий железорудные месторождения.

Югославы вполне прилично говорили по-русски. Но профессор вел себя как-то надменно, будто он приехал к бедным родственникам. И все время, не стесняясь своей жены, с каким то особым смаком рассказывал похабные анекдоты, от которых покраснели бы даже наши дальневосточные бичи из стационарных геологических партий. Вероятно, хотел продемонстрировать, как далеко зашла демократия в их европейской стране. Я попытался перевести разговор на геологию, но профессор, чувствуя, что мне не по душе эта тема, упорно продолжал рассказывать анекдоты о героях гражданской и отечественной войн. В конце концов, он с притворным удивлением объявил, что это наши русские анекдоты, придуманные патриотами родины.

Я высказался в том смысле, что для «патриотов», которые за тридцать серебрянников сочинили эти пошлые анекдоты: «...там где водка, там и Родина». И чтобы подвести черту, я заявил:

– А хотите, я Вам сейчас расскажу такой похабный анекдот про Тито, что вы умрете от страха, пардон, от смеха.

Но югославам вдруг стало страшно и без анекдота.

– Ой, не надо, – испугалась жена профессора и даже замахала руками.

Профессор со страхом оглянулась на югославских студентов.

Наконец, тема похабных анекдотов была закрыта.

После маршрута я привез гостей на обед в единственный в Питкяранте ресторан. В середине дня зал был практически пустой. В этом ресторане я почти каждый год летом кормил группы иностранных студентов, приезжающих к нам на факультет по безвалютному обмену и меня здесь хорошо знали. Сама директриса усадила нас за столики. Я сел с профессором и его супругой, а аспиранты и студенты расположились за соседними столиками. На столах, застеленных чистыми скатертями, в вазочках стояли полевые цветы, тарелки с хлебом и стандартные – соль, перец и баночка с горчицей, которую изготавливал питкярантский хлебозавод для всей Карелии. Горчица была острой и ароматной, и я всегда привозил домой пару баночек.

– А сколько у Вас выпускают видов горчицы, – поинтересовался профессор, разглядывая этикетку на баночке.

– Вроде, всего два вида: «Столовая» и «Русская».

Профессор презрительно хмыкнул.

– У нас в Югославии продается тридцать два сорта горчицы из разных стран мира, – с гордостью заявила профессорская жена, – и Милан может с закрытыми глазами их распознать.

Краем глаза я заметил, что голодный аспирант за соседним столиком, так же как и наши студенты, в ожидании заказа намазывал горчицей хлеб. Вдруг он подбежал к нашему столику и, непонятно от чего задышавшись, произнес, указывая на баночку с горчицей:

– Горча, горча! – И закатил глаза.

Прежде чем я успел сориентироваться в ситуации, профессор бодро схватил чайную ложку, и «с горкой» зачерпнул из баночки горчицу. Когда он поднес ложку ко рту, я подумал, что он хочет только попробовать горчицу кончиком языка, но совершенно неожиданно он отправил горчицу в рот и, как я полагаю, успел часть ее проглотить. Дальше произошло что-то ужасное. Профессор мгновенно покраснел, выпучил глаза как глубоководная рыба, вытасченная на поверхность, надул щеки до невообразимой величины и зачем-то схватился за уши. Я тут же подхватил югослава под руки и потащил в туалет. Повернув сосок водопроводного крана вверх, я открыл его и заставил профессора промыть от горчицы рот в фонтане воды.

Испуганная директриса суетилась вокруг нас и совала в руки профессора чистое полотенце. Наконец югослав промыл рот, вытерся полотенцем и сделал глубокий вдох. Мы вернулись за столики. Профессор еще не мог говорить, и у него обильно текли слезы. Его супруга рассказала директрисе, что в Югославии выращивают разные сорта горчицы: Дижонская, Бордоская, сладкая Баварская, Дюссельдорфская, а приправ из нее существуют десятки, но все они достаточно слабые, так что можно свободно съесть чайную ложку.

А тут какая-то термоядерная горчица. Никто даже и не подозревал, что такая может быть. Конечно, японская Васáби, которую подают к суши, тоже атомная, но это, по сути, хрен, а не горчица.

Аспирант извинялся и рассказал, что он попробовал острую горчицу и у него перехватило дыхание, и он хотел только предупредить профессора. Но не получилось.

Я с гордостью объяснил, что русская горчица имеет самый жгучий вкус из-за эфирного масла и "горчичного газа" – иприта.

– Классическая русская горчица кроме заваренного горячей водой порошка, соли, сахара и уксуса не содержит других компонентов.

Питкьярантская горчица настолько потрясла югославов, что затмила даже рудную геологию. Они захотели тут же скупить всю горчицу в ресторане, но директриса не согласилась и объяснила, что горчица должна обязательно присутствовать на столах, но подарила им по баночке.

Югославы ринулись в магазины и скупили всю горчицу в городе. Вечером в гостинице они хвастались друг другу своими трофеями, высыпав баночки из сумки прямо на постель.

Меньше всех повезло профессору. Он купил всего шесть баночек.

– Но в магазине мне пообещали, что завтра им привезут еще десять банок и они оставят их для меня, – похвастался профессор.

Подозреваю, что горчица нужна была югославам, чтобы подставить своих знакомых, подарив им по баночке такой горчицы. И те, не зная ее силы, также попробуют ее ложкой.

– Смотрите, с этой горчицей у вас могут быть проблемы при пересечении границы, – предупредил я.

– Это почему? – заволновались югославы.

– Потому, что наша горчица приравнивается к взрывоопасным веществам – если в баночку добавить щепотку динамита, то ей можно запросто взрывать мосты, – пошутил я.

Через две недели после отъезда югославов в Питкяранту на практику приехали сразу две группы – болгары из софийского университета и поляки из Вроцлава. Иностранцев поселили на турбазе, располагавшейся в живописном месте на побережье Ладожского озера. Пока студенты размещались в летних домиках, я собрался приготовить шашлыки к праздничному вечеру из заранее замаринованного мяса. На берегу озера стоял массивный металлический мангал и рядом кухонный столик.

Преподаватель польской группы Пан Юзеф – крупный, толстый и обаятельный человек, отмахиваясь от полчищ комаров, помогал мне насаживать на шампуры мясо и раскладывать их над огнедышащими углями. Для изготовления винного уксуса у меня был очень простой рецепт – в бутылку красного сухого вина надо добавить немного уксусной эссенции.

Пока я брызгал на возникающие языки огня получившейся смесью и активно размахивал картонкой над углями, пан Юзеф взял со стола треугольную бутылочку с уксусной эссенцией и осторожно ее понюхал.

Жестом я показал ему, что это пить нельзя, на что пан Юзеф также жестами, показал мне, что он не дурак пить уксусную эссенцию. Но следующий его ход я никак не ожидал. Преподаватель неожиданно вылил содержимое бутылки себе в ладонь и обмыл кислотой свое лицо и даже шею.

Разъяснить поляку ситуацию было некогда. Я спихнул толстого Юзефа в озеро, прыгнул за ним следом и, стоя по пояс в воде, стал окунать голову ничего непонимающего, но возмущенного поляка, в ледяную воду. Он пытался руками оттолкнуть меня, но я, ладонью

другой руки обмывал его лицо снизу. Польские и болгарские студенты на берегу, просто обалдели от такой сцены, думая, что два преподавателя просто дерутся.

Болгарин Радо советовал мне подольше держать голову пана Юзефа под водой. Поляки болели за своего преподавателя и советовали Юзефу сделать подсечку и, навалившись на меня сверху, раздавить всей тушей.

Когда моцион закончился, я объяснил пану Юзефу и польским студентам, что в этой бутылочке концентрированная уксусная кислота, от ожога которой слезает кожа до мяса.

– Кто же знал, что русские специи опасны для жизни. У нас в Польше продается только трехпроцентный уксус, и я частенько на природе мажусь им от комаров, – пан Юзеф снял мокрую одежду и вытерся полотенцем.

На другой день кожа на лице Юзефа почернела, и только вокруг глаз, которые он успел закрыть, остались белые круги как у очковой змеи. Поляк стал похож на негра. От него исходил стойкий запах уксусной кислоты, от которого налетавшие комары падали в обморок.

Болгары наперебой фотографировали Юзефа для рекламы «лучшего русского средства против комаров». Они уверяли, что до такой черноты невозможно загореть даже на пляжах Болгарии.

Вечером к нам в гости приехали питкьярантские комсомольцы с традиционной бочкой пива и сигами для ухи.

«Откуда у вас в группе появился этот огромный негр?» – удивились они.